

ТУРЕ АРНЕ — УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Известный шведский археолог Туре Алгот Енссон Арне родился в семье торговца зерном в Дротхеме 7 мая 1879 г. В 1897—1900 гг. он изучал историю и археологию в Упсальском университете, в 1906—1907 гг. совершил научную поездку в Малую Азию и Сирию.¹

В 1911 г. вместе со своими коллегами Оскаром Альмгреном и Густавом Хальстремом Т. Арне принял участие в работе XV Археологического съезда, проходившего в Новгороде, на котором выступил с докладами «Сношения Руси со Швецией в эпоху викингов по свидетельствам археологии» и «Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому побережью 1611—1617 по старым картам из Стокгольмского военного архива».² В последнем он представил три старинных плана Новгорода из Королевского военного архива в Стокгольме, которые являются самыми древними из известных планов Новгорода и имеют большое значение для изучения топографии города. Фотокопии этих планов он передал в Новгородское общество любителей древности. В том же году он был избран членом этого общества.

Осенью 1912 г. Т. Арне вместе с О. Альмгреном и Г. Хальстремом консультировал ставшую впоследствии известным скандинавистом ученицу Ф. Брауна и С. Ф. Платонова Елену Рыдзевскую, изучавшую в Швеции археологические материалы.³

В конце 1912—1913 г. он вместе с женой Идой совершил исследовательскую поездку в Россию для изучения археологических памятников. Он осмотрел Михайловский могильник в Ярославской губернии, побывал в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани. О впечатлениях от поездки можно судить по черновым наброскам, сохранившимся в его архиве: «В России меня часто спрашивали: что Вы думаете о нашей стране и нашем народе? На это я отвечал, что я не могу дать исчерпывающего ответа на такой вопрос. 15-месячного пребывания в России недостаточно для того, чтобы составить достоверное представление о жизни народа, впрочем, даже не одного народа, а более чем 100 народов, населяющих эту огромную страну... Что вообще можно сказать о России, так это то, что она — страна контрастов, полная противоречий, обнаруживающая величайшее богатство и глубочайшую бедность, высокую образованность и безмерное невежество, изысканный вкус и варварскую культуру, любовь к свободе и энтузиазм, с одной стороны, и рабскую психологию, жестокость и мошенничество — с другой».⁴

В 1914 г. увидела свет его книга «Швеция и Восток»,⁵ в которой он выдвинул теорию норманнской колонизации, согласно которой

¹ Svensk biografiskt lexikon. Stockholm, 1920. Del. 2. S. 229—230.

² Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. 1.

³ Анохин Г. И. Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Т. 15. С. 178.

⁴ Antikvarisk-topografiska arkivet (далее: АТА). Källaren XVII. Т. J. Arnes arkiv. Handlingar av privatkaraktär. 5.

⁵ La Suède et l'Orient: Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings. Uppsala, 1914.

шведские викинги, переселившиеся в Восточную Европу, создали вдоль торговых путей, в наиболее важных в экономическом и стратегическом отношении пунктах, свои колонии. Он считал, что государство, основанное норманнами в Восточной Европе, сохраняло тесные политические связи со Швецией и было частью «Великой Швеции». Выводы этой работы были приняты А. А. Шахматовым.⁶ С ними не согласился Ю. В. Готье, считавший, что наблюдения Т. Арне и А. А. Шахматова о существовании в России X в. цветущих и многочисленных скандинавских колоний не могут быть приняты безоговорочно, так как эти наблюдения не подтверждаются археологическим материалом. Однако он считал, что для инертного и пассивного славянского населения норманны являлись вызывающим брожение элементом.⁷ В этой работе Т. Арне поставил также вопрос об обратном влиянии древнерусской культуры на шведскую в IX—X вв.⁸

В это же время с целью изучения русско-скандинавских языковых контактов Россию посетил профессор славянских языков Упсальского университета Рихард Экблум. Результатом его поездки по Северо-Западу России стало исследование о скандинавских заимствованиях в русском языке «Русское и варяжское в географических названиях Новгородской земли»,⁹ в котором он доказывал скандинавское происхождение многих русских географических названий этого региона. Местные названия от корня *рус-* он считал доказательством расселения скандинавов на этой территории. Таким образом, теория Арне, основанная на археологических источниках, в определенном смысле получила поддержку со стороны лингвистов. Эта теория, ставшая главной концепцией норманизма в археологии, получила развитие в трудах французского историка М. Таубе, датчанина А. Стендер-Петерсона, шведа Х. Арбмана, американца С. Кросса, финна Э. Кивикоски.¹⁰

В 1920-е годы концепция Т. Арне подверглась критике со стороны советских археологов В. Равдоникаса, А. Арциховского, Я. Станкевич. В послевоенные годы его критиковали Д. Авдусин, Б. Рыбаков, Б. Колчин. Тем не менее в первые послевоенные годы Арне занимал ведущее место среди норманистов-археологов, и до сих пор российские археологи по-прежнему обращаются к его работам, не утратившим научной значимости.

Т. Арне был не только археологом, но и крупнейшим шведским специалистом по русской истории, ее активным популяризатором. Во время своих поездок в Россию он установил контакты со своими коллегами и стремился поддерживать их, в том числе и путем переписки. Среди его корреспондентов были С. Платонов, В. Равдони-

⁶ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 44—46.

⁷ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930. С. 248—256.

⁸ Свердлов М. Б., Шаскольский И. П. Культурные связи России и Швеции в IX—XVI вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1986. Т. 30. С. 118.

⁹ Ekblom R. Rus-et vareg — dans les nomes de lieix de la région de Novgorod. Stockholm, 1915; Похлебкин В. В. О работе шведских историков в русских архивах в XIX—начале XX века // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Т. 4.

¹⁰ См.: Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 98—99.

кас, А. Лаппо-Данилевский, Е. Рыздзевская, М. Алпатов, И. Тихомиров, Б. Курц, Н. Марр.¹¹

Т. Арне считал, что Россия — это большая дверь в Азию для шведской экономики и науки. Он отмечал, что «через Россию идут пути для изучения греческой и исламской культуры. Русская земля и русские архивы хранят сокровища для изучения шведской истории». Поэтому «для Швеции нет ничего естественнее создания института в Москве для изучения русской культуры».¹² Эти слова были написаны им в 1917 г., когда интерес шведов к событиям, происходившим в России, был велик, как никогда. Т. Арне приветствовал Февральскую революцию, при получении известий о которой он произнес речь для русских, оказавшихся в то время в Швеции, на русском языке в гостинице «Райсен». От имени шведов, радовавшихся вместе с ними, он приветствовал их как граждан великого Русского государства — республики.¹³

В том же году вышла из печати его книга «Великий Свитйод», представляющая собой первый в Швеции сборник статей по истории русско-шведских культурных связей с древнейших времен до XIX в. Одна из них предстала в этом выпуске «Новгородского исторического сборника». Импульсом к ее написанию послужило его пребывание в Новгороде в 1911 г. Он обратил внимание на то, что богатый в прошлом церквами, монастырями и колоколами Новгород теперь располагал лишь незначительным числом колоколов, датированных ранее Столбовского договора. Задавшись вопросом о том, куда же делись новгородские колокола, Т. Арне по возвращении в Швецию написал статью о русских колоколах в Швеции, в которой проследил судьбу попавших в Швецию новгородских колоколов.

В предисловии к этой книге он высказал мысль о том, что развитию научного и культурного сотрудничества могло бы способствовать русско-русское культурное общество с центром в Стокгольме и филиалами по всей стране. Такое общество было создано в мае 1924 г. Т. Арне стал его вице-председателем, а затем и председателем. Среди членов общества были путешественник Свен Гедин, будущий посол в СССР Рольф Сульман, публицист Нильс Линд, посол Швеции в СССР Карл Хейденстам, датский литературовед А. Стендер-Петерсен, профессор Е. Тарле, секретарь советского посольства А. Симоновский, профессор А. Смирнов и др.¹⁴

Вообще Т. Арне активно занимался общественной деятельностью. Еще в 1916 г. по линии Красного Креста он посетил лагерь русских военнопленных в Германии, Австрии и Венгрии. Он принимал участие в работе различных научных и просветительских обществ: шведско-норвежского, шведско-британского, шведско-финляндского, шведско-югославского, шведско-китайского, шведско-польского, шведско-чешского, шведско-французского, молодежного культурного движения. Он был одним из создателей Шведского Вос-

¹¹ АТА. Handlingar av privatkarakter. 11. Ryska brev.

¹² *Arne T. Det stora Svitjod: Essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser.* Stockholm, 1917. S. IX—X.

¹³ АТА. Manuskript. 17. Anteckningar och artiklar om förh. i Ryssland.

¹⁴ *Nerman T. Svenskt och ryss.* Stockholm, 1946. S. 340—341; *Ахметшина П. Н.* К истории становления советско-шведских культурных отношений (1917—1935) // *Северная Европа: Проблемы новейшей истории.* М., 1988. С. 58—60.

точного общества и его секретарем, одним из учредителей научного общества «Шведы в России» и Союза свободы вероисповедания. В 1921 г. он стал членом Академии истории, литературы, языка. Он интересовался научной и культурной жизнью в СССР. В его архиве сохранились неопубликованные статьи о русских музеях под властью большевиков, о направлениях в русской археологии, о положениях ученых в СССР, материалы по русским ремеслам и промыслам в начале 1920-х годов. В одной из них он писал: «В Новгороде Софийский собор изнутри подвергается большим разрушениям из-за недостатка отопления и разрушения системы отопления. Сырость разрушает фрески и иконы, подобно тому как близлежащая от Новгорода церковь Спаса на Нередице начала разрушаться от плесени. После 1918 г. в Новгород приезжали многочисленные комиссии из Москвы и Ленинграда, которые интенсивно занимались консервационными и реставрационными работами с фресками и иконами, в результате чего было получено новое представление о древней русской живописи».¹⁵

Т. Арне был активным полевым археологом. Маршруты его археологических экспедиций проходили не только через Северную Европу, Россию, но и через Турцию, Иран, Сирию, Ближний Восток, Малую и Среднюю Азию. В 1926 г. он принял участие в Археологическом съезде в Керчи. В 1928 г. он вновь побывал в России, на этот раз посетив Ленинград, Москву, Киев, Чернигов. В ходе этих поездок Арне имел возможность лично наблюдать строительство нового государства в России и воздействие политического переворота на жизнь общества в целом и отдельного человека. Своими впечатлениями о поездках он поделился со слушателями Рабочего университета Стокгольма и описал их в книге «Современная Россия». В ней Т. Арне писал: «Мир стоит перед гигантским экспериментом, который вне зависимости от его исхода даст большой опыт». Его описание не окрашено политическими симпатиями или антипатиями, он не чернит действительность, но и не обходит молчанием болезненные вопросы. Он отмечал, что революция — это явление типичное для России, ее хроническая болезнь со времени Петра I.¹⁶ В следующем году маршрут его путешествий проходил по Средней Азии и включал Ташкент, Самарканд, Бухару, Ашхабад. Он пытался получить разрешение на проведение археологических раскопок в Западном Туркестане, но получил отказ от советских властей. Последний раз Арне побывал в России в 1935 г., посетив Ленинград.

Русская тема стала актуальной в Швеции в годы второй мировой войны. В Швеции были изданы книги Э. Хурнборга «Швеция и Россия», А. Карлгрена «Сталин», сборник речей Сталина, сборник рассказов советских писателей, книга Т. Нермана «Шведы и русские». Тогда же была издана книга Т. Арне «Европа открывает Россию»,¹⁷ в основу которой легли лекции, прочитанные им осенью 1942 г. в Рабочем университете Стокгольма. В 1944/45 г. там был прочитан

¹⁵ АТА. Manuskript. 17. Anteckningar och artiklar om förh. i Ryssland.

¹⁶ Arne T. Det moderna Ryssland. Stockholm, 1929. S. 5—8.

¹⁷ Arne T. Europa upptäcker Ryssland. Stockholm, 1944.

курс лекций о современной России. В книге «Советский Союз в иллюстрациях» была опубликована его статья «Наука в СССР».¹⁸

В 1944 г. Т. Арне оставил работу в Историческом музее и вышел на пенсию. Поскольку международная обстановка затрудняла полевые археологические исследования в Восточной Европе и Азии, он занялся преподавательской работой и историческими исследованиями. Несколькими лет он изучал документы голландских архивов о шведах, служивших в голландской Ост-Индской кампании. Результаты этих исследований были опубликованы им в 1952 г. в монографии «Шведы и Восток».¹⁹ Он публиковал также статьи о русско-скандинавских отношениях в различных сборниках и в периодической печати.

В 1947 г. в газете «Дагенс нюхетер» была опубликована статья Т. Арне под названием «Теория о том, что в России было государство еще до викингов, не имеет оснований».²⁰ Ответом на нее стала статья Б. Д. Грекова «О роли варягов в истории Руси». В ней, в частности, было сказано: «В шведской газете появилась статья известного шведского ученого-археолога Т. Арне под весьма громким и претенциозным названием. Попытку показать наличие русского государства до варягов автор считает попыткой „национализировать историю“. 200 лет безуспешно идет работа над разгадкой так называемого варяжского вопроса. В первые 100 лет истории пытались разрешить задачу об этническом происхождении варягов, сыгравших известную роль в истории Руси. В последнее полустолетие вопрос сводится к проблеме образования государства вообще и русского в частности. Сейчас как будто для всех стало ясно, что образование государства есть не внезапное происшествие, а длительный процесс... Роль варягов в Европе IX в. хорошо известна. Ее отрицать никто не собирается. Новгородская Русь их знает прекрасно. Но от этого признания далеко до утверждения, будто Рюрик в 862 г. создал русское государство. Государственная жизнь началась на Руси так же, как и у других народов, на известном этапе развития общественных отношений. Рюрик застал в Новгороде государственный строй уже существующим. Это не „националистический“ домысел, а обоснованное доброкачественными фактами положение. И в свете этих фактов статья профессора Арне не может не вызывать удивления».²¹ Если принимать во внимание время написания этой статьи, то следует признать, что критика Б. Д. Грекова носит довольно умеренный характер, и с его точкой зрения в принципе можно согласиться.

Более жесткую критику вызвала статья Арне «Викинское Гнездово — предшественник Смоленска».²² Реакцией на нее была статья Д. А. Авдусина, в которой он расценивал публикацию Т. Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с нау-

¹⁸ *Sovjet i bild*. Stockholm, 1946. S. 363—384.

¹⁹ *Arne T. Svenskar och Österlandet*. Stockholm, 1952.

²⁰ *Dagens Nyheter*. 26.04.1947.

²¹ *Греков Б. Д.* О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // *Новое время*. 1947. № 30.

²² *Arne T. Det vikingatids Gnezdovo Smolensk föregångare* // *Arkeologisk forskningar och fynd*. Stockholm, 1952.

кой».²³ Такие отклики на работы ученого создали ему репутацию «злостного норманиста», и для чиновников от науки в СССР он был персоной non grata, но для большинства его русских коллег, археологов и историков, он оставался серьезным, авторитетным ученым, чей интерес к русской истории и культуре был постоянным и не зависел от политической конъюнктуры. А потому его работы не утратили своего научного значения и по сей день, и к ним будут обращаться новые поколения исследователей, занимающихся историей отношений между нашими странами.

Туре Арне скончался в 1965 г. Его библиотеку купил музей в Шеллефтео. Там же поначалу хранился и его архив, который в начале 70-х годов был описан Ингмаром Янссоном. В 1974 г. часть архива Т. Арне была передана в Упсалу. С 1987 г. обе части архива были переданы в Антикварно-топографический архив в Стокгольме.

Г. М. Коваленко

²³ Авдусин Д. А. Неонорманистские изыскания буржуазного историка // ВИ. 1953. № 12.

РУССКИЕ КОЛОКОЛА В ШВЕДСКИХ ЦЕРКВАХ*

После подписания Столбовского мира 1617 г. Швецию посетило русское посольство во главе с князем Барятинским, которое должно было получить от Густава Адольфа подтверждение мирного договора и попытаться внести ясность в некоторые более мелкие вопросы. В протоколах посольства, опубликованных в 1897 г. К. Якубовым, читаем следующее описание заседания, в котором приняли участие первые лица королевской канцелярии Аксель Оксеншерн и Юхан Шютте:

«И государевы послы канцлеру с товарищи говорили об наряде и о колоколах по государеву указу и по росписи, какову взяли в Великом Новгороде у окольного князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи. А в росписи написано: за 12 дней до отданья Новгорода посланы из Новгорода ночью в Свею две пушки русские, увернув в сено, а обе те пушки положены на одних дровнях; да в те же поры послано с теми же пушками семь колоколов, три больших, и четыре малых; а ныне те две пушки, что вывезены из Новгорода, в Ям-городе; да за 4 дня до отдания Новгорода послано из Новгорода три колокола, которые выкопаны в Старой Руссе; и Е. К. В-во велел бы е колокола и пушки сыскав, отдать.

И государевы послы канцлеру с товарищи говорили по той же государевых послов, окольного князя Данила Ивана Мезецкого с товарищи, росписи о колоколах Розважского монастыря, о трех целых да о двух разбитых, что вывез Индрик Юнсон после договора в январе месяце, и об иных статьях по той же росписи, про три колокола да про пивной котел, что вывез после договора ладожский воевода, да про 4 колокола да про 2 пушки, что вывез порховский воевода.

И Яков Понтуссон (Делагарди) говорил: клянусь вам его царского в-ва великим послам, в том во всем своею душой, чтоб душа моя в ад попала, что кроме 14 колоколов никакого наряду и колоколов из Новгорода, из Ладоги и из Порхова после договора не вывозили, и в том он дает клятву своей душой, и сыскивать за ним про то король не пошлет.

И канцлер и Яган (Юхан Шютте) говорили послам: как же вы этому не верите, если граф Яков в том клянется своей душой, что королю на нем сыскивать нечего».¹

Если русские, несмотря на торжественную клятву Делагарди, все-таки сохранили некоторые сомнения относительно его невинности в колокольных делах, простим их. Ибо из письма Акселя Оксеншерны графу Якову, датированного 24 мая 1616 г., недвусмысленно следует, что предыдущей зимой последний послал из Новгорода в Нисеншанц пару колоколов для дальнейшей отправки. Между тем король запретил этот экспорт, «ибо когда Е. К. В. спросил капитана в укреплении, кому они посланы, тот ответил, что не знает, а [знает

* Перевод Г. М. Коваленко.

¹ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

только, что] они из Новгорода. Тогда король запретил пересылать их дальше без его повеления. Причину этого, брат мой, вы можете легко понять. Она состоит в том, что народ повсюду ропщет, что их церкви и монастыри разрушены, их колокола осквернены (?) и все без пользы для Е. К. В. и его людей, поскольку во всех крепостях остаются лишь набатные колокола». «Сверх того, К. В. преисполнился нетерпения и потому приказал эти два колокола, а также один маленький, установленный в *Kumene gårdh*, сохранить для его К. В. надобностей. Этого не случилось бы, если [бы] кто-нибудь сказал, что они раньше принадлежали моему брату (Делагарди), но раз это уже произошло, то я постараюсь сделать так, как хочет мой брат, как только по воле Божьей я прибуду к Е. К. В.»

Были ли эти колокола возвращены после заключения мира, из переписки неясно. Фактом является то, что русские колокола появляются во многих шведских церквях, расположенных поблизости от владения Делагарди. Хотя этот вопрос в известной степени касается репутации графа Якоба, мне не удалось достаточно прояснить его. Возможно, появятся новые документы, которые прольют свет на его участие в экспорте колоколов.

Русские представители предъявляли свои претензии на основании третьей статьи Столбовского договора, которая гарантировала возвращение церковной утвари, принадлежавшей Софийскому собору и другим церквям и монастырям Новгорода, а также других городов и крепостей, равно как и пушек с оснащением и колоколов, которые на 20 ноября находились в указанных городах и крепостях. Исключение составляли колокола, которые новгородцы сами после указанной даты продали для того, чтобы выплатить жалование войскам, и которые были вывезены из Новгорода. Но те колокола, которые войска забрали сами и вывезли, не заплатив, после тщательного расследования должны быть возвращены в Новгород, равно как и колокола, купленные королевскими солдатами, но еще не вывезенные из Новгорода, должны быть свободно выкуплены новгородцами по той цене, по которой были проданы, а вновь покупать и вывозить колокола запрещалось.

10-я статья определяла, что пушки и колокола, которые 20 ноября находились в крепостях, занятых шведами (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек), должны оставаться во владении шведской короны.

Мирный договор, таким образом, определял (из договора следовало), что некоторые из купленных колоколов не подлежали возврату, а также и русские колокола, принадлежавшие захваченным городам, оставались в шведском владении. Таким образом, когда мы встречаем в Швеции русские колокола старше Столбовского договора, то это могут быть купленные или происходящие из территорий, отошедших в шведское владение, или же являющиеся военной добычей других войн, прежде всего времени Юхана III.

Еще до заключения мирного договора в Столбове новгородцы проявляли большой интерес к своим колоколам. В договоре, заключенном после взятия Новгорода Якобом Делагарди в 1611 г. между ним и городскими властями, определялось, что ни один колокол не будет вывезен из Новгорода без согласия новгородских властей. Позже, когда шведы попали в затруднительное положение и предполагали, что город придется оставить, Аксель Оксеншерн писал

шведским представителям на переговорах (1615), что в случае крайней необходимости следует при помощи надежных людей собрать все колокола, большие и маленькие, из города и монастырей, взвесить их и, как только установится санный путь, отправить их в Орешек, а до того из-под полы продать купцам за деньги или провиант. Год спустя (1616) английский посредник Джон Мерик в письме к графу Эверту Горну упоминал, что он получил известия из Новгорода о разграблении церковей и монастырей и вывозе артиллерийских припасов и колоколов, и хотя в Москве это считают правдой, он сам не может доверять этим сведениям.

Между тем странно, что так богатый церквами и монастырями, а следовательно и колоколами Новгород располагает [сегодня] лишь незначительным числом колоколов, датированных ранее Столбовского договора. Петр Петрей рассказывает в своей книге о Великом княжестве Московском, что в Новгороде имеется несколько сотен монастырей, церковей и часовен, деревянных и каменных, построенных на свой изящный манер. Колокольни большей частью крыты листовой желтой и красной медью и позолочены чистым золотом. На них висит много тысяч колоколов, больших и маленьких. В настоящее время (1912) в городе 54 церкви, 4 монастыря и множество часовен. В Колмовской церкви висит 8 колоколов, 2 из которых отлиты при Иване IV (1533—1584) и 2 при Василии Шуйском (1606—1610). Ко времени Федора Ивановича (1584—1598) относится один колокол, который висит на звоннице над коридором, соединяющим церковь Архангела Михаила с церковью Богородицы. Также и в Антоньевом монастыре имеется колокол, отлитый в 1573 г. Под Новгородом находится знаменитая церковь Спаса на Нередице с маленькой колокольней с тремя колоколами. Один из них украшен надписью 1609 г. На прекрасной, построенной в 1439 г. колокольне Софийского собора имеются три маленьких колокола, отлитых до Алексея Михайловича (1645—1676). Два отлиты в 1566 г. и были в церкви Воскресения Христа на Прусской улице, и один отлит в 1637 г.

Часть новгородских колоколов была вывезена Иваном IV в Москву. В Швецию между тем попали некоторые новгородские колокола XVI в., которые по большей части, очевидно, являются памятью шведского владычества в Новгороде в начале XVII в. По меньшей мере 4 из них на протяжении этого столетия были переплавлены, именно те, которые принадлежали церкви Клара (Klara) в Стокгольме, Мариинской церкви в Сигтуне, Готтрерской (Gottfröra) церкви в Уппланде и Хюддингской (Huddinge) церкви в Седертерне (Södertörn), но 8 еще осталось. Два из них находятся в Уппланде, один принадлежит церкви в Сульне (Solna), другой *Фресундской* (Frösunda) церкви. Один, который висел в Брэннской церкви (Brännkyrka) в Седертерне (Södertörn), теперь хранится в Государственном историческом музее, один восточношведский колокол передан в Северный музей (Nordiska museet), а другой, подобный, из прихода Рено (Rönö) — в Бьеркекиндском (Björkekinds) уезде, по всей вероятности, до сих пор находится в местной церкви. Дерарпская церковь (Dögarpskyrkan) в Смоланде также владеет русским колоколом. Один колокол висит в Западном Вингокере (V. Vingåker) и один — на колокольне Таксинге-Несбю (Taxinge-Näsby) в Седерманланде. Вполне вероятно, что имеется и много других [колоколов].

Старейшим из них следует, вероятно, считать дерарпский колокол (Dörrapusklochan), если верить переводу надписи, приведенной в «Историческом описании Смоланда» Рогерберга (1770): «Милостью Божией и при покровительстве Св. Троицы лета 7035 (1527) сентября в шестой день лил сей колокол при державе правоверного и христолюбивого царя и господина великого князя Ивана Васильевича всея Руси колокольный мастер Прокофий Григорьев сын. Слава вседержителю Богу единому».

В указанный год (7035 = 1527) между тем правил еще великий князь Василий III Иванович, которого только через 5 лет сменил 3-летний сын Иван Васильевич. В 1547 г. он принял царский титул. Таким образом, 7035 год указан, очевидно, ошибочно. Цифры на колоколе переданы буквами, и при этом, вероятно, л (30) перепутано с п (80). Таким образом, дату следует читать как 7085 = 1577, что больше соответствует содержанию надписи. Во всяком случае колокол должен был быть отлит между 1547 и 1584 гг.

Трудно сказать, где колокол висел первоначально. Зато можно предположить, что он был отлит в Пскове. Здесь еще до сих пор в сохранности колокол 1548 г. с именем того же мастера, висящий в Покровской церкви у Нового торго. Надпись гласит: «...а лил мастер псковитин многогрешный и грубый смыслом Прокофий Григорьев сын. Слава совершителю и вседержителю Богу единому». Имя и стиль заключительной фразы идентичны.

Еще пара колоколов, отлитых тем же мастером, сохранилась на колокольне Дмитриевского собора в городе Гдове на восточном берегу озера Пейпус. Оба колокола небольшие, и надписи на них сходны: «Божьей милостью при покровительстве живоначальной Троицы 7059 = 1551 года сентября в 8 день к Рождеству Богородицы лит сей колокол при благоверном и христолюбивом царе Иване Васильевиче. А лил его Прокофий Григорьев сын. Слава вседержителю Богу единому».

Традиционно считается, что колокол во *Фресунде* (Frösund) подарен Карлом Белья (Carl Bölja) в 1521 г. Между тем надпись на нем означает, что он подобно другому колоколу отлит при Иване IV Васильевиче 17 мая 7070 (?) = 1562 г. во Вдовской уезд (Вдов — диалектная форма от Гдов), в Каменскую губу на Козлов берег, вероятно, в завоеванном Густавом Адольфом Гдове или поблизости от него. Надпись трудночитаема, но можно установить, что колокол отлит для пристройки к Воскресенской церкви в честь Николая Угодника. В непосредственной близости от Новгорода к югу от него находится Воскресенский монастырь с деревянной церковью в честь Николая Чудотворца. Она была разрушена шведами вместе с близлежащей колокольной. Между тем трудно идентифицировать эту церковь с той, которая упоминается в надписи на колоколе, ибо она вряд ли была пристройкой. (Точное прочтение надписи на этом колоколе привел в своей статье о фресундском колоколе Андерс Шеберг.²⁾

² Sjöberg A. Ryska klockan i Frösunda — tolkad och förklarad // Frösunda hembugdförenings medlemsblad. 1981: «Лета 706 седмаго (1559) месяца в ... день литы быс(ть) колоколы сии во Вдовской уезд в Каменскую губу на Козлов берег Воскр(есе)нскую выставку к Николы Чюдотворцу при державе ц(а)рствия ц(а)ря и г(осу)д(а)ря великого кн(я)зя Ивана Васильевича всея Руси повелением из Домантовы стень». При этом он

Известный пастор прихода Клара (Klara) и автор жизнеописания Карла XII Еран Нордберг (Jöran A. Nordberg) издал в 1727 г. работу об истории своей церкви «S. Clara minne». Об одном из колоколов на башне он написал следующее: «Четвертый, или пасторский, колокол, видимо, без сомнения является военной добычей. Он почти везде отлит с русскими буквами, но когда, откуда или по чьей инициативе он появился, об этом нет никаких заметок». Во время церковного пожара 1751 г. этот колокол, к сожалению, пропал вместе с другими подвешенными в башне колоколами. Возможно, колокол был подарен церкви каким-то меценатом. Нордберг пишет об одном из тех, в ком можно предполагать дарителя. В 1658 г. на средства Улофа Ларссона в церкви Клары были сооружены новая кафедра и алтарная картина; кроме того, в 1660 г. был расписан и позолочен орган. Тот же Улоф Ларссон приказал в 1674 г. построить часовню Св. Улофа, которая была предшественницей современной церкви Адольфа Фредрика. Нордберг рассказывает о нем, что он родился в Седерчепинге в 1592 г. в бедной семье, после нескольких лет учебы в школе в Стокгольме занялся торговлей, совершал торговые поездки в Англию, возил товары шведским войскам Я. Делагарди в Новгород. По возвращении оттуда он в 1614 г. получил права гражданства, а в 1620 г. стал членом магистрата, которым управлял до 1672 г. Скончался в 1675 г.

Вполне вероятно, что Улоф Ларссон получил в качестве платы за товар новгородской колокол, который он подарил впоследствии приходской церкви.

Считается, что бронзовые врата Новгородского Софийского собора были взяты в Сигтуну в качестве военной добычи в средние века. Это очевидная ошибка. Зато в Мариинской церкви Сигтуны в давние времена хранился церковный колокол, происходивший из расположенного севернее Новгорода, напротив Нарвы, Ивангорода. Этот город был основан Иваном III в конце XV в. и перешел к шведам по Столбовскому договору. На этом давно расплавленном колоколе читалась надпись: «Святой мученице Прасковье по прозвищу Пятница. Для пригорода Ивангорода при державе христолюбивого царя и господина великого князя Ивана Васильевича и в лета епископа новгородского и псковского Александра повелением слуг Божьих правоверных псковитян Логина Семенова сына и Игнатия Абдына сына».

Возможно, что в Ивангороде, как и в Новгороде, была церковь Прасковьи Пятницы. Епископ Александр занимал свою должность около 1580 г., т. е. в конце правления Ивана IV.

Имя Логин Семенов сын, которое носит один из дарителей, встречается также на одном из русских колоколов Бренской церкви (Brännkyrka). Его надпись гласит: «Года 7—5 (?) июля в день литсей колокол живоначальной Троице и вознесению Пречистой Девы и святой мученицы Прасковьи по прозванию Пятница в Доможирке в правление царя и господина Великого князя Ивана Васильевича всея Руси повелением слуги Божия Ждана Андреевича Вешнякова. А делал мастер Логин Семенов сын».

отметил, что продолжение надписи имеется на другом колоколе, отлитом в паре с первым для той же церкви).

Вышеупомянутый приход Доможирка находится в 23 км севернее Гдова около озера Пейпус, недалеко от реки Нарвы. Существующая там церковь еще и сегодня посвящена живоначальной Троице и считается построенной в первой половине XV в. князьями Елецкими. В 1820-е годы в церкви было 3 колокола XVIII в. Более старые были, очевидно, увезены, и один из них — колокол в Бренской церкви. Род Вешняковых — это старый дворянский род, известный с XV в., один из представителей которого, Игнатий Михайлович, был на службе у Ивана IV.

О высокочтимой мученице Параскеве (Прасковье) Пятнице легенда рассказывает, что она была дочерью богатых родителей, преследовалась Диоклетианом и была предана суду за свою приверженность христианскому учению. Перед судом она мужественно отказалась отречься от веры, хотя он обещал в противном случае жениться на ней. В наказание за свое упорство она была обезглавлена.

Маленький русский колокол в церкви Сульны имеет следующую надпись: «Лета 7075 (7077?) (=1567 или 1569) августа месяца в 1 день отлит этот колокол для церкви святого Симеона Столпника на Чудинцевой улице при державе славного царя и господина великого князя Ивана Васильевича самодержца всея Руси в лета святого архиепископа Великого Новгорода и Пскова Пимена. Лил сей колокол мастер псковитянин Георгий Ульянов сын. Слава Богу вечному, аминь».

Церковь Симеона Столпника исчезла более ста лет назад, но когда шведы в 1611 г. захватывали Новгород, они непосредственно натолкнулись на нее сразу за западной стеной одного из пяти городских концов — Загородного.

Архиепископ Пимен по прозвищу Черный довольно известен. Когда Иван IV в 1570 г. устроил в Новгороде кровавую баню, Пимен был брошен в темницу, подвергнут пыткам и сослан в Веневский монастырь. Его здоровье было подорвано этим жестоким наказанием, и он умер в 1571 г.

Так называемый малый колокол в церкви Рене (Rönö) в Остеретланде имеет следующую надпись: «Божьей милостью и святостью Воскресению и Николаю и Св. Екатерине года 7080 июня в первый день в царствование государя и царя великого князя Ивана Васильевича и правоверных царевичей — правоверного царевича Ивана и правоверного царевича Федора».

7080 год от сотворения мира соответствует 1572 г. от Р. Х. Тогда еще был жив Иван, который девять лет спустя станет несчастной жертвой отцовской вспышки гнева.

Церковь в Хюддинге (Huddinge) в Седерманланде еще 40 лет назад владела русским церковным колоколом, который, очевидно, был расплавлен и перелит. Трудноразличимая надпись была притом скопирована, но, кажется, не совсем правильно. При этом ее содержание можно понять следующим образом: «Лета 7070 апреля месяца в (28 день?) при державе правоверного царя великого князя Ивана Васильевича всея Руси и в лета архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыки Пимена с благословения игумена Мисаила перелит колокол вновь, а старый колокол весил семь пудов ...и в новый добавлено четыре пуда меди... Николая Чудотворца Селифонтова монастыря ...Тимофиев (?) ...Славко... со своими детьми, с Петром и Ерофилом...».

Таким образом, колокол должен был быть отлит в 1562 г. и весил 11 пудов, т. е. 176 кг. Следовательно, он был не особенно большим. В этот год мы встречаем упоминание о несчастном архиепископе Пимене, а также игумене Селифонтовского монастыря Мисаиле. Где он расположен, мне установить не удалось.³ Может быть, он назван по старому, происходящему из Новгорода роду Селифонтовых, один из членов которого, Ананий Осипович, принял участие в завоевании Казани в качестве сотника.

Совсем недавно я получил известие от мариенфредского пастора А. Флентцберга о том, что еще один русский колокол висит на колокольне в церкви Таксинге-Несбю (Taxinge-Näsby) в Седерманланде. Так как он висит, затруднено прочтение надписи на нем. Тем не менее можно прочитать, что «колокол отлит в 7088 (1580) году, июня в 19 день при державе благоверного царя и государя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси в лета архиепископа Великого Новгорода и Пскова, владыки Александра для Святой Прасковьи Пятницы в Ивангороде на посаде, а лил колокол православный христианин псковский мастер Логин Семенов сын. Слава Богу, аминь».

Слова и строчки при литье перепутались, поэтому о содержании в известной мере приходится догадываться. Между тем этот колокол является, очевидно, парным Сигтунскому колоколу и отлит тем же мастером Логином Семеновым сыном, который также изготовил колокол Бреннской церкви (Brännkyrka). Все три [колокола] посвящены святой Прасковье Пятнице.

Более поздним по сравнению с упомянутыми колоколами является колокол, принадлежащий Северному музею (Nordiska Museet), который, согласно традиции, был привезен генерал-майором В. М. Постом, участником войн Карла XII. Он висит в заводской часовне в Реймюре (Rejmyre) в приходе Скедеви (Skedevi) в Остергютланде. Раньше он хранился в имени Мальма в Стокгольмской губернии. Колокол взят в Литве, и диалект, на котором сделана короткая надпись, кажется, не противоречит этому. Я только частично смог перевести надпись. Наверху написано (стоит): «В год Божий 1703 отлит этот колокол со старанием». Ниже можно различить имена Юрий и Стефан Зубек в родительном падеже, слово Христос в сокращении, а также три других не понятых мною слова, возможно, обозначающих, что Юрий отлил колокол в честь Христа на деньги Стефана Зубека. Доктор Альфред Йенсен предположил, что эта надпись сделана на чешском языке.

Еще один русский колокол, очевидно, находится в церкви Зап. Вингокера (V. Vingåker) в Седерманланде, но его надпись мне неизвестна.

Готтрерский колокол (Gotttrörs-klochan), пострадавший при церковном пожаре 1893 г., после переливки имеет следующую надпись: «Я взят на войне из России и счастливо доставлен в Швецию, где в честь Бога меня даровать на службу церкви в Готтрере было угодно пользующимся высоким доверием Королевского Величества мужу генералу, командующему армией Кор. В-ва, пребывающей ныне в

³ Селифонтова пустынь (НПК. СПб., 1905. Т. V. С. 173). Ксенофонов Никольский монастырь находился неподалеку от Хутынского монастыря, к которому он был приписан, упразднен в 1764 г.

Лифляндии, Курляндии, Литве и в окрестных границах, и губернатору города Риги и относящихся к ней крепостей высокородному графу и господину Адаму Людвигу Лейонхувуду, графу Фалькенштейну и барону Рейпхольцкирхскому с его возлюбленной женой, высокородной графиней и баронессой Элисабет Бригиттой Доротеи Лейонхувуд, графиней Фалькенштейн и баронессой Рейпхольцкирхской. 1706. Перелит за счет Готтрерского прихода Герхардом Майером в Стокгольме в 1735 г.».

Адам Людвиг Лейонхувуд — это не кто иной, как искусный полководец Карла XII Адам Людвиг Левенгаупт, который был бароном Рейпхольцкирха (Reipholzkirch).

Не только колокола увозили из новгородских церквей. В церкви Ува (Ova) в Вестеретланде висит паникадило с русской надписью: «Поставлено было паникадило сделано повеленьем раба Божия Ивана Моклокова, новгородца из Москвы». Последнее выражение означает, возможно, переселенца из Новгорода. Это паникадило было подарено церкви между 1708 и 1747 гг. графиней Делагарди. Очевидно, оно было военной добычей или приобретением Понтуса или Якоба Делагарди. Вполне вероятно, что так же обстояли дела с вышеупомянутыми церковными колоколами.

Церкви в Сульне покровительствовал Магнус Делагарди, а поместье Фюллерста (Fullersta), лежащее в непосредственной близости от церкви Худдинге (Huddinge), было собственностью Якоба Делагарди. Поэтому вполне возможно предположить, что русские колокола этих церквей были дарами от этого семейства. Вероятно, таким же образом получила церковь в Бренне (Brännkyrka) свой экземпляр. Колокол Мариинской церкви в Сигтуне был, вероятно, даром похороненного в церкви ассессора Монса Мортенссона Пальма, который в качестве шведского секретаря участвовал в переговорах, предшествовавших заключению Столбовского мира.

После того как стало очевидным, что шведы ухватили себе часть русских колоколов, не должно казаться странным, что при случае русские не удерживались от того, чтобы отплатить им той же монетой. Напротив! Во время опустошительных набегов на побережье перед и после смерти Карла XII русские захватили во многих местах церковные колокола, например в церквях Верхнего и Нижнего Торнео, на острове Хвен (Hven) и Готланде. Уже во время Юхана III русские захватили огромный колокол в Борго. В одной из церквей, принадлежащих Псковскому Спасо-Мирошкинскому монастырю, имеется колокол с двумя шведскими надписями и латинской: «Gloria in exelsis Deo et in terra pax. Laudate in cymbalis. Me fundebat Johan Meyer anno 1666» («Слава Богу в небесах и на земле. Славим его цимбалами. Меня сделал Юхан Мейер в 1666 г.»). Этот колокол, шведская надпись которого свидетельствует о его происхождении, мог попасть в Псков из Риги или какой-либо церкви из шведских Балтийских провинций. Династия литейщиков Мейеров, многие представители которой работали в Стокгольме (эпитафия с родословной имеется в церкви Клары), происходит из Риги, с которой они сохраняли связи. На колокольне церкви Рождества Богородицы в Ивангороде висят два колокола, на одном из которых надпись: «Gloria Soli Deo. Maria Sophia de la Gardie. Johann Meyer Anno 1671 holmiae me fundebat» («Слава Богу единому. Мария София Делагар-

ди. Юхан Мейер сделал меня в Стокгольме в 1671 г.». На другой стороне колокола изображение герба с рыцарем в круглой шляпе с мечом.

Этот церковный колокол является полноценным возмещением вывезенного в Сигтуну колокола, о котором говорилось ранее. Дарительницей была дочь завоевателя Якоба Делагарди Мария София, гофмейстерина королевы Кристины и вдова Оксеншерны. Лил колокол тот же Юхан Мейер.

Другой ивангородский колокол был подарен церкви королем Карлом XI в бытность генерал-губернатором Якоба Юхана Таубе и отлит в Ивангороде нюрнбержцем Христофом Юханом Метером (Мелером?) 27 мая 1675 г. Он же отлил в 1674 г. колокол для церкви в Нарве, теперь Спасо-Преображенской церкви.

Церковные колокола в России существовали по крайней мере с XI в. Летопись рассказывает, что полоцкий князь Вячеслав Брячиславович в 1076 г. захватил Новгород и взял в Новгородской Софии паникадила и колокола. Средневековые колокола были в большинстве небольшими, что подтвердили находки при раскопках Десятинной церкви в Киеве, еще в начале XVI в. лились только малые колокола. В 1526 г. новгородский летописец высказал удивление по поводу отлития колокола весом в 250 пудов. В начале XVI в. в России появляются иностранные колокольные мастера. В Нарве в прошлом был колокол, отлитый в 1518 г., в правление Василия Ивановича в Москве, Николаем Ивановым сыном Обряка из града Шпейера (Speier), и мы слышали также о польском колокольном мастере на Валдае. Уже в 1533 г. немец по имени Николай отлил церковный колокол, который весил 1000 пудов. В то же время при Иване IV русские мастера добились больших успехов в колокольном деле, и в XVII и XVIII вв. создали такие чудеса, как гигантский царь-колокол в Москве и его предшественники.

От риксархивариуса Петрелли я получил недавно сведения о том, что один русский колокол находился ранее в крепости Бухюс (Bohus). Он был отлит в 1816 г., а дубликат его надписи хранится в архиве Академии литературы, истории и языка. Он был сделан губернатором Нильсом Поссе и преподнесен в дар Пэру Таму в Дагнесе. Неудовлетворительно записанная надпись гласит: «Божьей милостью и покровительством лит сей колокол при державе правоверного и христолюбивого царя и государя великого князя Ивана Васильевича животворящей Троице и всеумудрому Богу единому. Аминь... евигин (evigin)». Что означает последнее русское слово, я не знаю. Колокол отлит в XVI в. при Иване IV, как и большинство русских колоколов в шведских церквах.

Еще один русский колокол находился в крепости Бухюс, который, если судить по латинской надписи на нем, теперь находится в крепости Карлсбург (Karlsborg). Она гласит: «Tropheum hoc e Russia in Su(e)cia(m) arsem Buhusiam illatum invictissimus Rex Carolus XI restaurari voluit Cubernatore gen. equestri lib. bar. de Ungern Stralengerg ejusque vicario lib. bar. Nicolao Posse lib. bar. de Saebu A: o MDCXCVI» («Это трофей, привезенный из России в Швецию в крепость Бухюс победоносным Карлом XI, реставрирован губернатором генералом кавалерии бароном Унгерном Страленбергом и его

викарием бароном Николаем Поссе в 1696 г. Отлит в Гетеборге Петером Беком в год 1696»).

Надпись сообщил мне комендант Карлсбургской крепости генерал-майор К. Лемхен (С. Lemchen). Возможно, это также русский трофей того же типа, что и предыдущий, и, возможно, попавший одновременно с ним в Бухюс. В Карлсборг он попал после 1876 г.